

ИППОЛИТЪ ѲЕДОРОВИЧЪ БОГДАНОВИЧЪ.

Въ статьѣ Карамзина о Богдановичѣ, появившейся въ годъ смерти его, въ „Вѣстникѣ Европы“ (1803, № 9 и 10) сказано, что авторъ „Душеньки“ около 1775 года „выдавалъ 16 мѣсяцевъ журналъ подъ названіемъ „Петербургскаго Вѣстника“. Между тѣмъ извѣстно, что журналъ этотъ издавалъ съ 1778 по 1781 годъ Брайко¹⁾. Послѣдующіе біографы, Анастасевичъ, Полевой, Гречъ и др., повторяли большею частью дословно это извѣстіе. Митрополитъ Евгеній²⁾ говоритъ если не объ изданіи, то объ „участіи“ Богдановича въ изданіи „СПб. Вѣстника“: „съ 1778 года черезъ 16 мѣсяцевъ, участвовалъ въ сочиненіи одного С. Петербургскаго журнала подъ названіемъ „С. Петербургской Вѣстникъ“, который издавалъ Брайко“. Въ Словарѣ Геннади находимъ новое показаніе неизвѣстно на чемъ основанное: „Съ Сентября 1775 г. Богдановичъ 6 мѣсяцевъ издавалъ „СПб. В.“ Это же перенечатано въ самомъ послѣднемъ біографическомъ очеркѣ жизни Богдановича въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“ 1908 г.

Въ 1853 г. напечатана была автобіографія И. Ѳ. Б-ча³⁾. По словамъ Геннади, рукопись эта принадлежала Модесту Ив. Богдановичу, племяннику поэта, сыну брата его Ивана Ѳедоровича, и была написана собственноручно Ип. Ѳед. въ самые послѣдніе года его жизни. Тамъ же былъ помѣщенъ снимокъ первыхъ строкъ рукописи⁴⁾. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось увидѣть эту рукопись и даже узнать, гдѣ она теперь находится; но всѣ подробности, казалось, подтверждали ея подлинность. И въ этой автобіографіи опредѣленно повторялось извѣстіе, смущающее изслѣдователей: „Съ Сентября мѣсяца 1775 г., пишу о себѣ Богдановичъ, издавалъ ежмѣсячное изданіе, подъ титуломъ „СПб. Вѣст.“, который продолжался 16 мѣсяцевъ“.

Припомнимъ, что Карамзинъ въ 1803 г., собирая матеріалы для статьи о Б-чѣ, обращался къ его родственникамъ и „особенно къ достойному брату

¹⁾ См. Неустроевъ „Историч. Розысканія“ стр. 238.

²⁾ Словарь Святскихъ Писателей 1845 г. и „Другъ Просвѣщенія“ 1805 г.

³⁾ „Отеч. Зап.“ 1853, № 4.

⁴⁾ Тотъ же снимокъ приложенъ къ соч. Б-ча, изд. Смирдина, еще въ 1848 году.

его⁴, Ивану Федоровичу, въ рукахъ котораго были въ то время бумаги покойнаго и среди нихъ автобіографія. Легко поэтому предположить, что, отвѣчая Карамзину, И. О. заимствовали изъ этой автобіографіи мелкія подробности; тѣмъ болѣе, что самъ онъ давно уже не жилъ въ Петербургѣ и конечно изъ жизни брата могъ многого не знать или забыть. Такимъ образомъ, первоисточникомъ ошибки былъ самъ Богдановичъ.

Если не ошибаюсь, первый обратилъ вниманіе на эту неточность въ біографіи Б-ча Я. К. Гротъ¹⁾, обвинивъ во всемъ Греча. „Главнымъ издателемъ С.-Петербургскаго Вѣстника“, пишетъ онъ, былъ Брайко, по показаніямъ Державина, Евгенія Болховитинова и Дмитріева. Несмотря на то, Гречъ, какъ въ своемъ *Опытъ краткой исторіи Русской литературы*, такъ и въ *Чтенія о Русскомъ языкѣ*, говоритъ, что первымъ издателемъ этого журнала въ теченіе 16-ти мѣсяцевъ былъ Богдановичъ (Ип. Фед.). По „Словарю Свѣтскихъ Писателей“ Б. только участвовалъ въ редакціи „С.-Пб. Вѣст.“ но и это становится сомнительнымъ, когда мы здѣсь, въ Августовской книжкѣ 1778 года (стр. 186) находимъ рѣзкую политическую статью противъ Богдановича², который отвѣчалъ на нее въ „С.-Петербур. Вѣдомостяхъ“ (1778 г. № 64).

Добролюбовъ въ ст. „Собесѣдникъ любителей Россійскаго слова“²⁾ повторяетъ тоже самое, полагая, что „поводомъ къ ошибкѣ, вѣроятно, послужило то, что другой Богдановичъ (Петръ) дѣйствительно издавалъ „Новый С.-Петербургскій Вѣстникъ“ въ 1786 году.

Упомянутыя Я. К. Гротомъ обстоятельства, то есть помѣщеніе въ „С.-П. В.“ рѣзкой критики на „Историческое изображеніе Россіи“ Б-ча, раздраженный отвѣтъ послѣдняго въ „С.-Пб. Вѣдом.“, которыя онъ редактировалъ, наконецъ, имя Ип. Фед. Богдановича въ числѣ подписчиковъ³⁾ на „Вѣстникъ“, все это несомнѣнно доказываетъ, что Богдановичъ ни издателемъ, ни сотрудникомъ этого журнала не былъ.

А. Н. Неустроевъ, говоря о „С.-Пб. Вѣстникѣ“, прямо называетъ издателемъ Брайко, а перечисляя сотрудниковъ, не упоминаетъ даже Богдановича. Въ біографическихъ очеркахъ послѣдняго времени (Арабажина⁴⁾, Слонимскаго⁵⁾ о „С.-Пб. Вѣстникѣ“ не упоминается, и Богдановичъ признается издателемъ только „Невиннаго Упражненія“ въ 1763 году.

Но что же въ такомъ случаѣ значать загадочныя слова въ автобіографіи Богдановича. *Съ Сентября мѣсяца 775 года издавалъ ежемѣсячное изданіе подъ титуломъ „Санктпетербургскій Вѣстникъ“, который продолжался 16 мѣся-*

¹⁾ Соч. Державина, IX, 98

²⁾ „Современникъ“ 1856 (Іюль).

³⁾ „Санкт-петерб. Вѣст.“ 1778 г. Іюнь.

⁴⁾ Критико-біографическій Словарь Венгерова.

⁵⁾ „Литературный Вѣстникъ“, 1903 г.

цель"? Собирая матеріалы и провѣряя извѣстное изъ его біографіи, я убѣдилась, что большинство, если не всѣ числовыя показанія автобіографіи, указаны съ точностью формулара. Неужели же подчасъ канцелярски-мелочный Богдановичъ могъ сдѣлать такую грубую ошибку? Или память подъ старость такъ измѣнила поэту? Но до насъ дошло нѣсколько писемъ, относящихся къ самымъ послѣднимъ годамъ его жизни, и въ нихъ нѣтъ признаковъ умственной слабости. Напротивъ, Богдановичъ искалъ тогда новой службы, готовилъ изданіе своихъ произведеній, хлопоталъ о занесеніи своего рода въ гербовникъ. Или тщеславіе заставило его приписать себѣ лишнюю заслугу? Но у насъ нѣтъ основаній подозрѣвать его въ такихъ приемахъ. Да и зачѣмъ было бы въ такомъ случаѣ говорить о „С.-Пб. Вѣстникѣ“ и умалчивать о другомъ журналѣ „Собраніи разныхъ сочиненій и новостей“¹⁾, объ изданіи котораго Богдановичемъ имѣются совершенно точныя указанія?²⁾ Вотъ въ этомъ-то, можетъ быть, и кроется разгадка непонятной ошибки Богдановича. Обратимъ здѣсь вниманіе на то, что показанія автобіографіи „16 мѣсяцевъ, начиная съ Сентября 775 года, не имѣютъ ничего общаго со временемъ выхода С.-Пб. Вѣстника“. Первая книжка сего послѣдняго вышла въ Январѣ 1778 года. Затѣмъ изданіе продолжалось до половины 1781 года³⁾. Между тѣмъ въ засѣданіи Комиссіи. Акад. Наукъ 2-го Марта 1776 года постановлено: „представленнаго коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ переводчика г. Богдановича ежемѣсячнаго его сочиненія на Февраль мѣсяць сего года, содержащаго въ себѣ новыя на Россійскомъ языкѣ сочиненія и переводы, новыя успѣхи въ наукахъ и художествахъ и проч. напечатать на счетъ Академіи триста экземпляровъ, въ томъ числѣ пятьдесятъ на Лейпцигской комментарной, а достальныя на здѣшной бумагѣ, съ выдачею ему господину Богдановичу по напечатаніи изъ того числа 30 экземпляровъ въ подарокъ за сообщеніе Академіи онаго его сочиненія. По напечатанію же велѣтъ фактору Лыкову во сколько сія книжка обойдется по типографіи, подать въ Комиссію счетъ“.

23-го Марта это было исполнено. Напечатанные на счетъ академической триста экземпляровъ, въ томъ числѣ пятьдесятъ на заморской комментарной, а прочіе на здѣшной бумагѣ ежемѣсячнаго сочиненія Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ переводчика господина Богдановича, подъ заглавіемъ *собраніе разныхъ сочиненій и новостей на Февраль мѣсяць сего 1776 года*, приняты отъ фактора Лыкова въ книжную лавку комисару Зборомирскому и записавъ по магазину, въ приходѣ, выдать ему господину Богдановичу тридцать экземпляровъ на Заморской бумагѣ въ подарокъ за сообщеніе академіи онаго его сочиненія; а достальныя велѣтъ ему Зборомирскому продавать, на здѣшной бумагѣ по тридцати копеекъ, а на Заморской по тридцати пяти копеекъ экземпляръ“.

Просматривая дальше отчеты Засѣданій, можно убѣдиться, что и послѣдующія книжки журнала печатались при тѣхъ же условіяхъ*). 11 Юля 1776 года

¹⁾ См. Неустроевъ „Истор. Розыс.“ стр. 214.

²⁾ Неустроевъ, „Истор. Розыс.“, стр. 238.

³⁾ Журн. Комиссіи А. Н. 5 Августа, 5 Октября, 11 Ноября и 5 Декабря.

повторяется вышеприведенное постановленіе относительно Майской книжки и прибавлено: „да и впредь, ежели сообщено будетъ отъ его, господина Богдановича, продолженіе того же сочиненія на слѣдующіе сего года мѣсяцы, печатать бы онаго по толикому же числу экземпляровъ, подавая въ Коммиссію по напечатанію рапорты, во сколько обойдется каждая часть того сочиненія“. Далѣе въ журналѣ Коммиссіи встрѣчаются только указанія, что журналъ напечатанъ и сданъ въ книжную лавку.

Обращаюсь теперь къ журналу, который Богдановичъ представилъ въ то время въ Академію. „Собраніе разныхъ сочиненій и новостей“. На первой страницѣ Февральской книжки 1776 года, то есть первой, напечатанной на счетъ Академіи Наукъ, помѣщено „предувѣдомленіе“: Отличное удовольствіе, съ которымъ публика приняла нѣкоторый опытъ ежемѣсячнаго нашего изданія, начатаго съ Сентября прошлаго 1775 года, и многочисленный расходъ книгъ сего изданія, обязали насъ стараться приводить нашъ журналъ сколь можно въ лучшее состояніе“.... (Далѣе намѣчаются нѣкоторыя перемѣны въ распредѣленіи матеріала). Съ этой же Февральской книжки измѣняются типографія и мѣсто редакціи: раньше журналъ печатался „при артиллерійскомъ и инженерномъ шляхетскомъ корпусѣ типографщикомъ П. К. Шноромъ“, къ которому направлялись и рукописи. Теперь, съ Февраля 1776 г., журналъ печатается въ академической типографіи, а рукописи просятъ направлять „въ Вѣдомственную экспедицію“, то есть къ самому Ип. Ѳ. Богдановичу, который въ это время редактировалъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“, издаваншіяся при Академіи Наукъ. Съ этого же приблизительно времени измѣнилось или, вѣрнѣй, удлинилось названіе журнала: въ началѣ (съ Сент. 1776 по Янв. 1776 г.) онъ назывался „Собраніе Новостей“, а съ Января 1776 г. превратился въ „Собраніе разныхъ сочиненій и новостей“.

Относительно задачъ этого журнала въ Сентябрьской книжкѣ за 1775 годъ говорится: „Любители полезныхъ упражненій жалуются всегда на чрезмѣрное множество книгъ, которыхъ человѣческое вниманіе и память объять не могутъ. Наипаче исторія, въ разныхъ родахъ и въ разныхъ временахъ, дошла давно уже до сей степени, что должно почитать оную не иначе, какъ архивною для справокъ, но несвойственнымъ для человѣка дѣломъ знать и помнить неисчислимныя вѣщи, кои не имѣютъ съ нашею бытностью почти никакого союза. Между тѣмъ Исторія настоящаго времени, то есть знаніе вѣщей къ намъ ближайшихъ и насъ окружающихъ, остается въ толикомъ небреженіи, что мы едва знаемъ о самыхъ примѣчательныхъ въ Европѣ происшествіяхъ, въ то время когда знать о томъ надобно. Нѣкоторыя націи возчувствовали однако предпочтительную пользу вѣдать самую новѣйшія бытности, а особливо до ихъ земли касающіяся.... Издатели мнили, что сочиненіе такова же рода въ Россіи можетъ нравиться. Въ семъ видѣ они издають сей опытъ, который будетъ продолжаться каждый мѣсяць, есть ли удостоится быть принятъ благосклонно отъ публики“. Такимъ образомъ Богдановичу принадлежитъ одна изъ первыхъ попытокъ издавать частный журналъ въ Россіи, который отзы-

вался бы на текуція событія. А. Н. Неустроевъ¹⁾ подтверждаетъ, что журналъ этотъ издавался съ Сентября 1775 года въ теченіе 16 мѣсяцевъ.

Итакъ Богдановичъ имѣлъ право написать въ своей автобіографіи: „съ Сентября 775 г. издавалъ ежемѣсячное изданіе, которое продолжалось 16 мѣсяцевъ“, но только „не“ „подъ титломъ Санктпетербургскій Вѣстникъ“.

Числа точно совпадаютъ, но названіе журнала странно перепутано. Не найдется ли объясненіе этой ошибки въ послѣдней книжкѣ „Собранія разныхъ сочиненій и новостей“? Въ концѣ Декабрьской книжки 1776 года (стр. 46) говорится: „Мы включаемъ здѣсь присланные къ намъ изъ Москвы стихи на новый 1777 годъ, ибо журналъ нашъ болѣе продолжаться не будетъ помѣсячно, а вмѣсто онаго будутъ выходить отъ времени до времени сочиненія и переводы разныхъ охотниковъ“. Если принять во вниманіе, что журналъ Богдановича выходилъ все время съ значительнымъ опозданіемъ, то окажется, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ дѣйствительно появилась первая часть (Январь—Іюнь такихъ сочиненій и переводовъ разныхъ охотниковъ подъ названіемъ „С.Пб. Вѣстника“, который являлся такимъ образомъ, какъ бы продолженіемъ „Собранія новостей“. Связь между этими двумя журналами отмѣчена А. Н. Неустроевымъ: „СПб. Вѣстникъ“, говоритъ онъ, состоялъ подъ редакціей Григорія Леонтьевича Брайко, который по прекращенію изданія „Собраніе Новостей“, гдѣ онъ принималъ участіе въ 1777 году²⁾, умѣлъ согласить нѣсколько извѣстныхъ уже въ литературѣ лицъ принять участіе во вновь задуманномъ имъ къ изданію журналъ“.

Связь между указанными журналами Неустроевъ отмѣчаетъ и въ другомъ мѣстѣ, но, къ сожалѣнію, не указываетъ, на какомъ основаніи. „Намъ кажется несомнѣннымъ, говоритъ онъ, что.... „С.-Пб. Вѣст.“ (1777) и „Академическія Извѣстія“ (1778) основались именно отъ распадѣнія редакціи „Собранія Новостей“. Не было ли это обстоятельство причиной ошибки Богдановича, для котораго эти два журнала были такъ тѣсно связаны, что, говоря о „С. Пб. Вѣстникѣ“, онъ, въ дѣйствительности, имѣлъ виду, „Собраніе Новостей?“ Такое предположеніе мнѣ кажется тѣмъ болѣе возможнымъ, что журналъ Богдановича, кромѣ двухъ приведенныхъ названій, имѣлъ еще и третье: 4 книжки 1775 года были переизданы подъ именемъ „Зритель Свѣта“. Такимъ образомъ, назвать его было довольно трудно, и это могло заставить Богдановича употребить послѣднее названіе, которое носилъ основанный имъ въ 1775 году журналъ.

Самыми темными *періодами* въ біографіи Богдановича оказываются его дѣтство, до переезда въ Москву въ 1753 г. и послѣдніе года его жизни по отъѣздѣ изъ Петербурга въ 1795 г. Нѣсколько подробностей объ этомъ

¹⁾ „Истор. Розыс.“, стр. 214.

²⁾ Указывая этотъ годъ, а не 1776, Неустроевъ имѣлъ, вѣроятно, въ виду то, что послѣднія книжки за 1776 г. вышли уже въ 1777 г.

послѣднемъ періодѣ можно найти въ перепискѣ его съ предсѣдателемъ Россійской Академіи А. А. Нартовымъ и съ Н. И. Лепехинымъ, сохранившейся въ архивѣ Россійской Академіи *). Значительная часть этого матеріала использована М. И. Сухомлиновымъ въ статьѣ о Богдановичѣ. Я приведу здѣсь только то, что совсѣмъ не было напечатано М. И. Сухомлиновымъ или то, чего онъ коснулся только вскользь.

Въ 1801 году, съ восшествіемъ на престолъ Александра I, Россійская Академія пробудилась отъ невольнаго сна, въ который ея погрузило царствованіе Павла. Предсѣдателемъ ея назначенъ А. А. Нартовъ, котораго Богдановичъ, какъ членъ Академіи, привѣтствовалъ изъ Курска слѣдующимъ письмомъ:

„Съ особливымъ обрадованіемъ, милостивый государь, увѣдалъ я о предсѣдательствѣ нашемъ въ Академіи. Ваше превосходительство легко себѣ представить можете, сколь то пріятно и любителямъ наукъ и особеннымъ вашимъ почитателямъ. При поздравленіи васъ желалъ бы послать къ вамъ Курскихъ Музъ, на случай коронаціи, новое произведеніе, съ покорною просьбою напечатать ево, подъ вашимъ призоромъ въ Академической типографіи; но отъѣздъ Двора въ Москву меня въ томъ останавливаетъ. Желалъ бы также издать во угожденіе соотчичей собраніе всѣхъ моихъ сочиненій, въ новомъ исправленномъ ихъ состояніи, но на то буду ожидать благорасположительнаго вашего наставленія. Въ дальности отъ столицы, безъ совѣта благодѣтелей, не знаю, какъ то удобнѣе и полѣзнѣе произвести можно. Я же всегда пребываю съ отличнымъ высокопочитаніемъ и древнею къ особѣ вашей преданностію, м. г. вашего превосходительства всеусерднѣйшій слуга Ипполитъ Богдановичъ.

24 Іюня 1801.

въ Курскѣ“.

Отвѣта на это письмо не послѣдовало, и 11 Іюля 1801 г. Богдановичъ писалъ Нартову снова: „Милостивый государь. Многими причинами побуждаюсь сообщить вашему превосходительству списокъ оды, какую я принялъ смѣлость послать къ Государю Императору на случай коронаціи. Древнее ваше милостивое ко мнѣ расположеніе само собою меня осмѣливаетъ, ввѣренная же вамъ Россійская Императорская Академія къ тому еще возлагаетъ на меня и пріятный долгъ свидѣтельствовать вамъ, самымъ дѣйствіемъ, мое особое почитаніе. Съ таковыми чувствами новое мое произведеніе нахожу принадлежающимъ вамъ, какъ источнику и покрову Музъ Россійскихъ. Не принадлежитъ мнѣ вступать въ поприще искусныхъ, но усердіе мое всегда готово къ пользѣ и славѣ Академіи, которой я, при началѣ ея, имѣлъ честь быть сочленомъ. Прошу располагать мною, когда только могу что сдѣлать въ пользу Академіи. Не зналъ я, что ваше превосходительство предсѣдательствуете также и въ Економіческомъ Обществѣ. Записки мои относительноны къ Економіи Курской губерніи постараюсь пересмотрѣть и привести въ нѣкоторую форму. Все то увядаеть, когда нѣтъ солнца согрѣвающего. Не могу умолчать передъ вами, что я уволенъ отъ службы хотя съ пенсіей, но далеко отъ надежды, съ какою

*) Исторія Россійской Академіи. т. VII, 43 стр.

несъ я долговременную службу въ царствованіе вѣчно достойной памяти Государыни Императрицы. Правда, что предъ кончиной Государыни мнѣ предложено было мѣсто въ Императорской Библиотекѣ, сверхъ моей пенсіи, съ порядочнымъ жалованьемъ и обѣщаніемъ чина штатскаго совѣтника, но все то не состоялось по причинамъ неожиданнымъ. Распространяюсь о томъ съ вами, милостивый государь, въ полномъ удостовѣреніи, что вамъ состояніе мое не можетъ быть чуждо и что у престола несравненнаго Монарха удостоете, при способномъ случаѣ, употребить въ пользу мою ваше благотворное предстательство. На случай оды моей печатанія, осмѣливаюсь просить ваше превосходительство прислать ко мнѣ въ Курскъ, десятка три или четыре экземпляровъ, въ пестру бумажку, какъ водится перевязанныхъ, для моихъ здѣшнихъ друзей, и дать знать мнѣ сколько за то денегъ прислать надобно. Я же пребываю съ глубокимъ высокопочитаніемъ и пр.

11 Іюля дня 1801 года.
въ Курскѣ.

Эти письма Нартовъ доложилъ собранію Россійской Академіи 27 Іюля 1801 г. На второмъ изъ приведенныхъ писемъ набросанъ рукою Нартова черновикъ отвѣта, одобренный членами и отправленный Богдановичу.

„Государь мой Ипполитъ Федоровичъ.

Имѣя честь получить два письма ваши, первое заключающее поздравленіе меня съ президенствомъ въ Россійской Академіи и со изъясненіемъ желанія вашего издать во угожденіе соотчичей собраніе всѣхъ вашихъ сочиненій въ исправленномъ ихъ состояніи, требуя моего въ томъ наставленія; второе съ сообщеніемъ ко мнѣ списка оды на случай коронаціи, долгомъ себѣ почитаю благодарить васъ за дружеское участіе ваше въ новомъ моемъ званіи. Чтожъ касается до изданія вашихъ сочиненій, то Россійская Академія какъ типографія, такъ и денегъ для сего не имѣетъ; слѣдовательно зависить оное отъ собственнаго вашего иждивенія и воли; ибо Академія старается во первыхъ издать новый словарь по азбучному порядку и Грамматику, а потомъ сочинить Логику, Риторикку и Пяитику, яко главныя основанія словесныхъ наукъ. Объ одѣ откровенно вамъ доношу, что печатать ее отъ Академіи не могу и подать оную отъ лица вашего смѣлости не имѣю; поелику сочинитель, ежели почитаетъ твореніе свое достойнымъ поднесенія, долженъ искать путь къ сему черезъ статсъ-секретаря; въ чемъ прошу меня благосклонно извинить*). Впрочемъ доставленный вами ко мнѣ списокъ оды, яко достойное похвалы сочиненіе, я имѣлъ честь сообщить Академіи, которой весьма приятно будетъ получать отъ васъ разнаго рода прозаическія и стихотворныя сочиненія, которыхъ она съ удовольствіемъ ожидать будетъ. Наконецъ увѣряя васъ о непремѣнномъ моемъ къ вамъ почтеніи пребываю навсегда вашъ государя моего покорнѣйшій слуга Андрей Нартовъ. 29 Іюля 1801 г.

*) Здѣсь въ черновикѣ слѣдуетъ фраза: „а потому оду вашу при семъ обратно къ вамъ посылаю“, но дальше въ отчетъ зас. 27 Іюля 1801 г. и 10 Ноября 1802 этой фразы не встрѣчается.

Съ этой отвергнутой одой намъ приходится встрѣтиться еще разъ въ отчетѣ Засѣданія Россійской Академіи 10 Ноября 1802 г., на которомъ обсуждался запросъ министра народнаго просвѣщенія графа Заводовскаго, вызванный псевдимоу жалобой Богдановича на несправедливость къ нему Академіи. Послѣдняя объясняла свой отказъ принять оду Богдановича тѣмъ, что для представленія одъ на коронацію Александра I былъ объявленъ конкурсъ, о которомъ сообщалось черезъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ отъ 11 Юня 1801 г.¹⁾ всѣмъ желающимъ принять участіе. По условіямъ конкурса оды должны были доставляться въ Академію съ девизами, а имя автора прислаться отдѣльно въ запечатанномъ пакетѣ. „И поелику г. Богдановичъ, сообщая академіи сію оду, не скрылъ своего имени, то она и не могла идти въ конкурсъ съ прочими присланными въ академію одами²⁾ съ запечатанными сочинителей ихъ именами, и симъ самымъ лишилъ себя права на полученіе обѣщаннаго отъ Академіи награжденія золотою или серебряною медалью, ежели бы его ода того была удостоена“.

Нельзя не признать, что это объясненіе, представленное министру, во многомъ не соотвѣтствуетъ вышеприведенной перепискѣ автора злополучной оды съ Нартовымъ: ни онъ, ни Богдановичъ не упоминають о конкурсѣ. Объ этомъ послѣднемъ, дѣйствительно, говорилось на одномъ изъ засѣданій Россійской Академіи, но Богдановичъ, проживая въ Курскѣ, могъ объ этомъ не знать. Эта ода на коронацію Александра I была напечатана уже по смерти автора впервые, если не ошибаюсь, въ изданіи Бекетова³⁾. Судьба другихъ стиховъ Богдановича, присланныхъ въ Академію въ это же время, еще печальнѣе. Въ письмѣ къ Нартову отъ 9 Мая 1802 г.⁴⁾ Богдановичъ писалъ: „пріемлю вольность приобщить здѣсь стихотворную бездѣлушку, какая на сей первый случай у меня въ черновыхъ бумагахъ отыскалась“.

Изъ отчета о томъ же засѣданіи 10 Ноября 1802 г. мы узнаемъ, что этой „бездѣлушкой“ были стихи (въ 27 строкъ); *Прозьжаю къ Ульяни сиротъ, въ деревнѣ просящей милостинки*, которые предназначались для „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“. Но въ этихъ послѣднихъ стихотвореніе не было напечатано, также какъ и въ собраніи сочиненій Б-ча, изд. Бекетова. Все, что намъ пока остается отъ этихъ стиховъ—это любопытный отзывъ академика графа Д. И. Хвостова⁵⁾.

„*Стихи отъ прозьжаю къ Ульяни* писаны слогомъ довольно пріятнымъ. Сочиненіе сіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ показывасть живую кисть прекраснаго

¹⁾ Въ указанномъ номерѣ „С.-ПБ. Вѣд.“ никакого объявленія о конкурсѣ нѣтъ.

²⁾ 3 Августа 1801 г. присланныя оды разсматривались, ни одна не была признана достойной награды.

³⁾ Собр. соч. Богдановича М. 1810 г.

⁴⁾ Письмо полностью напечатано М. И. Сухомлиновымъ. Ист. Р. А.

⁵⁾ Архивъ Россійской Академіи.

творца нѣжной Душеньки; поставя внизу сочиненія имя покойнаго Богдановича, оно напечатано быть можетъ.

Я думаю, что третій стихъ: *Тебѣ ль принадлежитъ твой образъ нищеты?* такъ какъ онъ двусмыслененъ и можетъ относиться къ чертамъ лица, лучше поставить: *Тебѣ ль принадлежитъ убранство нищеты?* И тѣмъ болѣе выказываетъ послѣдующій ему стихъ: *Ульяна! дай сама мнѣ милостинку ты!*"

М. Коноплева.

С. Петербургъ. Мартъ 1911 г.

*

Теперь никто не читаетъ Богдановича; но въ исторіи нашей поэзіи (или вѣрнѣе, стихотворства) онъ занимаетъ видное мѣсто. Въ хрестоматіяхъ еще недавняго сравнительно времени, бывало, помѣщались отрывки изъ его „Душеньки“. О немъ писалъ Карамзинъ въ своемъ „Вѣстникѣ Европы“, его поминалъ Пушкинъ, а Баратынскій обратился къ его памяти съ прекраснымъ посланіемъ.

Хочу въ досужный часъ
Съ тобой поговорить про Русскій нашъ Парнассъ,
Съ тобой, поэтъ живой, затѣйливый и нѣжный,
Всегда плѣнительный, хоть вѣсколько небрежный,
Чертамъ замѣтнѣйшимъ лукавой остроты
Дающій милый видъ сердечной простоты,
И, часто наготу рисуя намъ безчинно,
Почти безстыднымъ быть умѣющій невинно....
Ты въ лучшемъ вѣкѣ жилъ...
Сей богатный вѣкъ былъ вѣкъ Еватерины.
Она любила Музъ, и ты ли позабылъ,
Кто Душеньку твою всѣхъ прежде оцѣнилъ?
Я думаю, въ садахъ, гдѣ свѣтъ безсмертья блещетъ,
Понинѣ тѣнь твою отъ радости трепещетъ,
Вспоминая день, сей день, когда пѣвца,
Еще за малый трудъ не ждавшаго вѣнца,
Она, друзья ея, достойно наградили
И скромнаго его такъ лестно изумили,
Страницы Душеньки читая наизусть.

Въ Богдановичѣ слышенъ Малороссіянинъ. Гетманъ Разумовскій, Безбородко и Завадовскій конечно покровительствовали и его дарованію, и его успѣхамъ по службѣ въ Иностранной Коллегіи. П. Б.

